
ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

А.В. Устинов

Управление международно-правового сотрудничества
Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации
Технический пер., 2, Москва, Россия, 105005

В статье рассматриваются положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и некоторые аспекты международных договоров о юридической силе доказательств, полученных на территории иностранного государства при международном сотрудничестве по уголовным делам. Автор приходит к выводу о необходимости внесения изменений в ст. 455 УПК РФ.

Ключевые слова: международное сотрудничество, юридическая сила доказательств, уголовные дела.

Статья 455 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), которая определяет юридическую силу доказательств, полученных на территории иностранного государства, в частности, устанавливает, что доказательства, полученные на территории иностранного государства его должностными лицами в ходе исполнения ими поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам в соответствии с международными договорами Российской Федерации, международными соглашениями или на основе принципа взаимности, заверенные и переданные в установленном порядке, пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории Российской Федерации в полном соответствии с требованиями настоящего Кодекса.

Конструкция статьи, на наш взгляд, является не совсем удачной и вызывает несколько вопросов. Например, чем отличается международный договор от международного соглашения; в каких случаях возможно применение принципа взаимности; кто является должностным лицом в иностранном государстве; кто и как должен заверять исполненные поручения. Без ответов на эти вопросы невозможно правильно применять нормы российского уголовного процесса, которыми определяются свойства доказательств — относимость и допустимость — и, соответственно, невозможно вести речь о юридической силе доказательств, полученных на территории иностранного государства при международном сотрудничестве по уголовным делам.

Попробуем найти ответы на эти и некоторые другие вопросы. Федеральный закон (ст. 2) «О международных договорах Российской Федерации» от 16 июня 1995 г. дает определение международного договора, совпадающее с определением, содержащимся в Венской конвенции о праве международных договоров (ст. 2): «Международный договор Российской Федерации означает международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования». Часть 2 ст. 1 устанавливает, что Федеральный закон применяется в отношении международных договоров Российской Федерации (межгосударственных, межправительственных договоров и договоров межведомственного характера) независимо от их вида и наименования (договор, соглашение, конвенция, протокол, обмен письмами или нотами, иные виды и наименования международных договоров).

С учетом изложенного полагаем, что ссылка ст. 455 УПК РФ на международное соглашение является излишней, так как в соответствии с вышеупомянутым законом оно охватывается понятием международного договора.

Остановимся подробнее на положениях Федерального закона, которыми закрепляется понятие международного договора межведомственного характера. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Разъясняя положения упомянутой статьи Конституции Российской Федерации, Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» указывает, что международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы судами, в том числе военными, при разрешении гражданских, уголовных и административных дел, в частности, при рассмотрении гражданских и уголовных дел, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила судопроизводства, чем гражданским процессуальным или уголовно-процессуальным законом Российской Федерации (п. 5).

Но, во-первых, признание статуса международного договора за межправительственными и межведомственными договорами находится в коллизии с положениями п. «к», «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации, которые к ведению Российской Федерации относят международные отношения и международные договоры (п. «о»), а также судоустройство; прокуратуру; уголовное, уголовно-процессуальное законодательство (п. «к»).

Во-вторых, объем полномочий в области направления и исполнения запросов о взаимной правовой помощи, которые Генеральная прокуратура, МВД, ФСБ, ФСКН России могут включить в международный договор межведомственного характера, остается дискуссионным.

Например, В.М. Волженкина считает, что «доказательства по уголовным делам, добытые на основе таких соглашений, не могут иметь доказательственной силы», и предлагает надзирающим прокурорам исключать из доказательств факты, установленные за рубежом на основе подобных соглашений [1. С. 84].

Такой вывод В.М. Волженкина делает, анализируя некоторые законодательные акты как внутрисоссийского, так и международного характера. Например, Постановлением Правительства Российской Федерации «О заключении соглашений о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и компетентными ведомствами иностранных государств» от 29 июня 1995 г. № 653 объем сотрудничества конкретизирован. Оказание правовой помощи по уголовным делам и экстрадиция в него не входят. Полномочий на производство самостоятельных вне рамок уголовных дел оперативно-розыскных мероприятий, заключение под стражу разыскиваемых лиц МВД России не предоставлено. Но, вопреки этим предписаниям, в заключенных МВД России соглашениях объем помощи произвольно расширен, принимаются обязательства по выдаче, розыску, задержанию, заключению под стражу «в необходимых случаях» [2. С. 81], исполнению приговоров суда, производству процессуальных действий по уголовным делам, затрагивающих права граждан.

Т.Н. Москалькова и Н.Б. Слюсарь, напротив, полагают: «Договоры, заключенные МВД России с соответствующими МВД других государств, относятся к категории международных договоров Российской Федерации межведомственного характера. Данный правовой статус этих договоров означает то, что они являются составной частью российской правовой системы и обязательны для исполнения сотрудниками органов внутренних дел России» [3. С. 4]. Такого же мнения придерживается Л.А. Лазутин в отношении соглашений, заключенных Генеральной прокуратурой Российской Федерации [4. С. 36].

Не вызывает сомнений позиция последних упомянутых авторов в части отнесения соглашений, заключенных МВД и Генеральной прокуратурой России, к категории международных договоров межведомственного характера. Что же касается содержания таких соглашений, то, на наш взгляд, они не должны выходить за пределы международных договоров, заключенных Российской Федерацией.

Рассмотрим некоторые изменения, внесенные федеральными законами в уголовно-процессуальное законодательство в 2007 г. Так, Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» образовали «новый» правоохранительный орган — Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации (далее — СКП РФ). На основании п. 6 ч. 13 Положения о Следственном комитете при прокуратуре

Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 1 августа 2007 г. № 1004, СКП РФ также предоставлено право заключать международные договоры.

Пользуясь этим правом, Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации к сентябрю 2009 г., т.е. за два года своей деятельности, заключил несколько международных договоров (протоколы, соглашения, меморандумы) межведомственного характера в пределах своих полномочий в области международно-правового сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Это договоры с Генеральными прокуратурами Южной Осетии, Абхазии, Казахстана; полицией Финляндии; германским Фондом международно-правового сотрудничества. Эти международные договоры межведомственного характера не содержат международных норм, затрагивающих права и свободы человека, а также не предусматривают возможности получения доказательств способом, который противоречит действующим международным договорам.

Эти международные договоры межведомственного характера выступают, скорее, дополнением к существующим и ратифицированным международным договорам Российской Федерации, которые помогают СКП РФ наладить прямые контакты с иностранными правоохранительными органами, выполняющими запросы о правовой помощи. При этом направление запросов о правовой помощи происходит в порядке, строго установленном УПК РФ и международным договором, действующим в этой сфере, т.е. через Генеральную прокуратуру Российской Федерации. Хотя существует иная точка зрения. Председатель Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по должности является первым заместителем Генерального прокурора, поэтому он автоматически наделен правом самостоятельно направлять запросы о правовой помощи в правоохранительные компетентные органы иностранных государств, на основе действующих международных договоров. Обсуждение с иностранными коллегами такой возможности, т.е. направление запросов о правовой помощи напрямую, минуя Генеральную прокуратуру России, происходило при подготовке к подписанию упомянутых выше международных договоров межведомственного характера. При этом зарубежные партнеры на пространстве СНГ не возражали против получения запросов непосредственно от СКП РФ, полагая, что Следственный комитет входит в систему органов прокуратуры России и поэтому может действовать напрямую. Однако вопрос о юридической силе доказательств, полученных таким способом, вызвал острую дискуссию, и, в конце концов, победила консервативная точка зрения — направлять запросы о правовой помощи через Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Вместе с тем СКП РФ подготовил и направил в заинтересованные ведомства Российской Федерации законодательные предложения по изменению существующей редакции ст. 453 УПК РФ с целью наделения Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации правом направлять запросы о правовой помощи в иностранные компетентные органы напрямую, на основании действующих международных договоров Российской Федерации.

Возвращаясь к вопросу о межведомственных соглашениях СКП РФ, следует отметить, что тексты упомянутых соглашений не содержат норм, предусматривающих оказание взаимной правовой помощи в обход существующих договоров. Например, в качестве примера остановимся на Протоколе о сотрудничестве между Следственным комитетом при прокуратуре Российской Федерации и Следственным управлением Генеральной прокуратуры Республики Южная Осетия (далее — Протокол).

Протокол устанавливает, что стороны осуществляют сотрудничество по следующим основным направлениям:

- обмен опытом работы и информацией о состоянии преступности и противодействии ей, о методах и способах раскрытия и расследования преступлений, об использовании достижений науки и техники в расследовании уголовных дел;

- обмен опытом расследования преступлений террористической и коррупционной направленности, преступлений в сфере экономики и высоких технологий, а также иных видов преступлений, представляющих повышенную угрозу для общества, в том числе совершенных транснациональными преступными организациями;

- обмен информацией о внутригосударственном законодательстве, законотворческой и правоприменительной деятельности, включая обмен текстами законодательных и других нормативных правовых актов, публикациями и научно-методическими материалами;

- оказание содействия в проведении расследований по уголовным делам;

- проведение консультаций по вопросам, представляющим взаимный интерес, в том числе выносимым на обсуждение на различных международных форумах;

- совместное проведение научных исследований по представляющим взаимный интерес проблемам, а также семинаров, встреч экспертов и научно-практических мероприятий по актуальным вопросам;

- проведение ознакомительных визитов и стажировок, оказание содействия сторонам по повышению квалификации их сотрудников, в том числе путем направления сотрудников одной стороны в научные и образовательные учреждения другой стороны;

- рабочие встречи и консультации представителей сторон в целях рассмотрения вопросов укрепления и повышения эффективности сотрудничества на основании настоящего протокола;

- иные направления, соответствующие предмету настоящего протокола и отвечающие интересам обеих сторон.

Пожалуй, наиболее спорной является та часть Протокола, согласно которой стороны оказывают содействие в проведении расследований по уголовным делам. Известно, что Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации и Генеральная прокуратура Республики Южная Осетия ведут расследование обстоятельств вооруженного конфликта, произошедшего в августе 2008 г.,

и его последствий. Основными обстоятельствами, расследуемыми СКП РФ, являются гибель российских миротворцев и геноцид в отношении российских граждан, проживавших на территории РЮО, т.е. расследуются преступные действия политической элиты Грузии. Генеральная прокуратура РЮО расследует обстоятельства гибели мирного населения республики.

Обмен же доказательствами происходит в рамках запросов о правовой помощи, направляемых на основе принципа взаимности, подтвержденного Генеральными прокуратурами России и Южной Осетии. Такой способ представляется нам наиболее правильным, исключая возможность признания доказательств недопустимыми по формальным признакам. Поэтому оказание содействия в проведении расследований в рамках упомянутого Соглашения предусматривает консультативную, но не процессуальную деятельность на основе принципа взаимности.

Вместе с тем получается, что принцип взаимности, подтвержденный письменным обязательством Верховного Суда, МИД, Минюста, МВД, ФСБ, ФСКН или Генеральной прокуратуры Российской Федерации оказать от имени Российской Федерации правовую помощь иностранному государству в производстве отдельных процессуальных действий, также вступает в коллизию с упомянутыми положениями Конституции Российской Федерации.

При такой ситуации необходимо, на наш взгляд, внести изменения в Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 16 июня 1995 г. с тем, чтобы международные межправительственные и межведомственные договоры, а также обязательства, возникающие на основе принципа взаимности и затрагивающие положения Конституции Российской Федерации, проходили ратификацию в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Иначе, по правильному замечанию Б.Л. Зимненко, независимое существование принципа взаимности обусловило бы отсутствие необходимости заключать международные договоры — зачем заключать договоры, когда имеется такой «общепризнанный принцип международного права»? Однако международно-правовая действительность явно свидетельствует об обратном: заключаются международные договоры, подлежащие исполнению и/или признанию на территории иностранного государства [5]. Таким образом, принцип взаимности, на наш взгляд, может применяться только при отсутствии международного договора Российской Федерации с иностранным государством (межгосударственного договора), а межправительственные и межведомственные международные договоры не могут вторгаться в область права, регулируемого Конституцией России.

Теперь остановимся на вопросах «заверения» исполненных запросов о правовой помощи и должностных лицах иностранных государств, исполняющих российские запросы.

Статья 455 УПК РФ говорит о заверении *доказательств*, полученных при исполнении запросов о правовой помощи, но возникает вопрос, каким образом доказательства, полученные при исполнении запроса о правовой помощи,

должны быть заверены. Так, можно заверить перевод документов (ст. 12 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.), или заверить принятое решение (ст. 56 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г.), или запрашиваемая сторона может передать заверенные копии или заверенные фотокопии запрашиваемых материалов или документов (ст. 3 Европейской Конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г.), но каким образом передавать заверенные доказательства, остается неясным.

По всей видимости, поступившие и заверенные должным образом исполненные запросы о правовой помощи должны свидетельствовать о наличии соответствующих полномочий иностранного органа, исполнившего запрос. Однако, во-первых, заверение доказательств (скажем проще — проставление печатей и подписей на всех листах, направляемых документов) напрямую не связано со свойствами доказательств, т.е. с допустимостью и относимостью, например, как повлияет наличие или отсутствие печатей на протоколе допроса свидетеля, проведенного во исполнение запроса о правовой помощи при международно-правовом сотрудничестве, на оценку такого доказательства с точки зрения его приемлемости. Если следовать логике ст. 455 УПК РФ, то основным в протоколе допроса должна быть его «заверенность» тем органом, который его исполнял, но это ошибочная позиция. Процедура допроса свидетеля, на наш взгляд, должна соответствовать внутреннему законодательству запрашиваемого государства, если только в запросе о правовой помощи не запрошено иное.

Во-вторых, сама процедура «заверения» бывает весьма затруднительна и непривычна в запрашиваемой стране. Например, материалы исполненных запросов о правовой помощи, направляемые Соединенными Штатами Америки, заверяются нотариально, т.к. правоохранительные органы собственных гербовых печатей не имеют. Но требования по нотариальному заверению направляемых документов, предъявляемые российской стороной, не вытекают непосредственно из Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Москва, 17 июня 1999 г.) и, на наш взгляд, представляются чрезмерными.

В связи с этим использование установленных каналов передачи запросов о правовой помощи свидетельствует как раз о том, что запрос исполнен компетентным органом иностранного государства.

Теперь остановимся на еще одном дискуссионном вопросе ст. 455 УПК РФ, т.е. кто является должностными лицами в иностранном государстве и так ли важно, чтобы именно они (должностные лица) исполняли российские запросы о правовой помощи.

Российские запросы о правовой помощи адресуются компетентным органам иностранного государства без указания их точного наименования, и это, на наш взгляд, правильно. Однако попробуем взглянуть на этот вопрос несколько с другой стороны.

Российское уголовно-процессуальное законодательство предоставляет право собирать доказательства, в том числе и защитнику (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), путем:

- получения предметов, документов и иных сведений;
- опроса лиц с их согласия;
- истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Эти новеллы законодательства пришли к нам из анго-американского права, которое предусматривает активную роль защитника в процессе собирания доказательств [б. С. 165–172]. Институт собирания доказательств стороной защиты в российском уголовном процессе только начинает развиваться, но в процессе установления истины в уголовном судопроизводстве защитник занимает, безусловно, важное место. По российскому праву защитник не является должностным лицом, соответственно, не может участвовать в процессе собирания доказательств, происходящем в рамках исполнения российских запросов о правовой помощи. Но является ли это правильным?

Проиллюстрируем один из запросов, направленных Следственным комитетом при прокуратуре Российской Федерации в Министерство юстиции Соединенных Штатов Америки.

СКП РФ расследует уголовное дело, возбужденное по факту смерти российского ребенка, усыновленного гражданами США, в автомашине в городе Херндон штата Вирджиния летом 2008 г. В рамках запроса о правовой помощи американские коллеги направили материалы, имеющиеся у стороны обвинения, на основании которых суд штата вынес приговор. Вместе с тем в рамках обсуждения запроса о правовой помощи российские следователи заинтересовались доказательствами, собранными американским защитником. Эти доказательства были предметом исследования в суде штата, но после вынесения приговора были возвращены защитнику. Указанные материалы, по мнению американских коллег, могли бы быть представлены при непосредственном обращении российских следователей к американскому защитнику и только с его согласия. Однако эти материалы вряд ли можно было бы признать доказательствами по смыслу ст. 455 УПК РФ, хотя они, очевидно, явились бы важными для установления объективной стороны состава преступления.

Но если предположить, что уголовное дело станет предметом рассмотрения в российском уголовном суде, то с большей долей вероятности российская сторона защиты найдет способ представить доказательства, собранные коллегой в США, российскому правосудию, так как именно эти доказательства послужили основой для вынесения оправдательного приговора. Таким образом, произойдет процесс судебной легализации доказательств, полученных вне рамок работы должностных лиц правоохранительных органов.

В связи с этим положения статьи 455 УПК РФ в части собирания доказательств только должностными лицами требует, на наш взгляд, корректировки.

Поэтому предлагается ст. 455 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Доказательства, полученные компетентными органами на территории иностранного государства в ходе исполнения ими поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам или направленные в Российскую Федерацию в приложении к поручению об осуществлении уголовного преследования в соответствии с международными договорами Российской Федерации или на основе принципа взаимности, переданные в установленном порядке, пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории Российской Федерации в полном соответствии с требованиями настоящего Кодекса».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абдрашитова Р.З.* Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: проблемы становления и дальнейшее развитие // *Право и политика.* — 2006. — № 2.
- [2] *Бернам У.* Правовая система Соединенных Штатов Америки. — М.: РИО «Новая юстиция», 2007.
- [3] *Быкова Е.В.* Получение доказательств в ходе международно-правового сотрудничества // *Уголовное право.* — 2006. — № 2.
- [4] Венская Конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // *Ведомости Верховного Совета СССР.* — 1986. — № 37. — Ст. 772.
- [5] *Волженкина В.М.* Нормы международного права в российском уголовном процессе. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
- [6] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 17 июня 1999 г. // *Собрание законодательства Российской Федерации.* — 1999. — № 23. — Ст. 2846.
- [7] *Евдокимов В.Б., Михайленко К.Е.* Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам. На примере стран СНГ. — М.: Олма Пресс, 2004.
- [8] Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (ETS № 30) от 20 апреля 1959 г. // *Собрание законодательства Российской Федерации.* — 2000. — № 23. — Ст. 2349.
- [9] *Зимненко Б.Л.* К вопросу об исполнении и признании иностранных судебных и арбитражных решений при условии взаимности // *Журнал российского права.* — 2006. — № 8 // СПС Консультант Плюс.
- [10] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. // *Собрание законодательства Российской Федерации.* — 1995. — № 17. — Ст. 1472.
- [11] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. // *Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ.* — № 2 (141). — С. 82–130.
- [12] Конституция Российской Федерации // *Российская газета.* — 2009. — № 7.
- [13] *Костенко Н.И.* Правовые механизмы международного сотрудничества в правоохранительной сфере // *Право и политика.* — 2005. — № 8.
- [14] *Лазутин Л.А.* Виды правовой помощи по уголовным делам: вопросы теории // *Журнал российского права.* — 2008. — № 7.
- [15] *Лазутин Л.А.* Международное сотрудничество и правовая помощь // *Законность.* — 2008. — № 3.

- [16] *Милинчук В.В.* Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам // Действующая практика и перспективы развития. Юрлитинформ. — М., 2001.
- [17] Постановление Правительства Российской Федерации «О заключении соглашений о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и компетентными ведомствами иностранных государств» от 29 июня 1995 г. № 653 // Российская газета. — 1995. — № 137.
- [18] Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. — 2003. — № 244.
- [19] Сборник международных соглашений МВД России / Сост. Т.Н. Москалькова, Н.Б. Слюсарь. — М., 1996.
- [20] *Стойко Н.Г.* Уголовный процесс западных государств и России. — СПб.: Издательство юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 2006.
- [21] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. — 2009. — № 133.
- [22] Указ Президента Российской Федерации от 1 августа 2007 г. № 1004 «Вопросы Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 32. — Ст. 4122.
- [23] Федеральный закон Российской Федерации от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 29. — Ст. 2757.
- [24] Федеральный закон Российской Федерации от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. — 2007. — № 122.

**LEGAL EFFECT OF THE EVIDENCE COLLECTED
ON THE TERRITORY OF A FOREIGN STATE
IN THE COURSE OF INTERNATIONAL CO-OPERATION
IN CRIMINAL MATTERS**

A.V. Ustinov

The Department for International Legal Co-operation
Investigative Committee at the Public Prosecutor's Office of the Russian Federation
Tekhnicheskiy per. 2, Moscow, Russia, 105005

The article deals with the provisions of the legislation of the Russian Federation on criminal procedure and some aspects of international treaties regarding legal effect of the evidence obtained on the territory of a foreign state in the course of international co-operation in criminal matters. The author draws the conclusion of necessity of amending art. 455 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Key words: International co-operation, legal effect of the evidence, criminal matters.